

чивался рамками одной только службы или писательской среды. Преподаватель Кемеровского филиала Омской высшей школы МВД РФ, лектор общества «Знание», председатель общественного Совета по советскому туризму за границу, внештатный корреспондент областной газеты «Кузбасс»... Кроме этого, В. Рудин успевал вести тематические передачи «Города и страны» на областном телевидении, участвовать в областных филателистических выставках со своей уникальной коллекцией марок.

Став в 1982 году членом Кемеровского отделения Союза писателей, Виль Григорьевич Рудин постоянно участвовал во всесоюзных совещаниях по научной фантастике и детективной литературе, был директором издательства «Ковчезек», а с 1991 по 1996 г. представлял Кемеровскую писательскую организацию в Консультативном совете политических партий и общественных организаций.

На данный момент в Государственном архиве Кемеровской области хранится более пятисот дел личного фонда В. Г. Рудина. Материалы фонда были переданы на хранение в 1995 году лично Рудиным, а в 2001 году, после смерти писателя, фонд был дополнен материалами из семейного архива, переданными вдовой Розой Петровной Рудиной. Наличие этих документов в архиве во многом помогают сейчас работникам архива и исследователям творчества В. Г. Рудина в составлении полноценной картины о разных сторонах творческой жизни писателя.

И. А. ШУМАНОВА,

*главный археограф отдела информации
Государственного архива Кемеровской области*

КАКИМ ОН БЫЛ?

До сих пор не могу примириться с тем, что должна говорить о человеке, заменившем мне отца, друга — весь мир, а самое главное — это был любящий муж, единственный все 45 лет.

Тяжело потому, что теперь не могу рассказать что-нибудь ему (он, как никто, умел слушать — а главное, слышал, что ему говоришь); не могу попросить помощи — он мне не ответит. Но явно чувствую его постоянное присутствие. Ведь и раньше он часто и надолго уезжал в командировки. В сорокалетие нашей совместной жизни мы подсчитывали, с ним вместе были только двадцать лет.

Может быть, кому-то представить трудно, а я живу как обычно, во всём советуясь с ним. Из разных уголков квартиры он смотрит на меня, и я понимаю, что он хочет мне сказать. Выхожу из дома, он смотрит мне вслед с мемориальной доски, как будто хочет предупредить, как всегда, о чём-то.

В самые тяжёлые моменты, когда кажется — выхода нет, но он находится и всегда это связано с именем Вилия Григорьевича.

Можно и рассказать об этом, но многим, наверное, покажется мистикой.

Вот один случай.

Нам с детьми очень хотелось установить достойный памятник на его могиле. Но сбережений-то у нас никогда не было. Единственный капитал — это коллекция марок Вилия Григорьевича, которую он собирал с 7 лет всю жизнь. Хорошая была коллекция. Но время не то, чтобы можно было её продать, да и какая-то внутренняя борьба в наших душах мешала. Всё-таки — это память внукам, это его любимое хобби! А выхода нет.

Доброго отношения А. П. Хмелевского, взявшего на себя обязанность (конечно же, из чувства солидарности к себе подобному, по доброте душевной) сделать памятник и мемориальную доску было недостаточно. Надо же оплатить хотя бы материал, из которого делать. А тут ещё и старший сын его остался без работы, сократили, и в придачу ещё и ограбили, а семья — 5 человек, трое учеников.

И вот в такую минуту, сидя перед портретом Вилия Григорьевича, рассказывая всё это ему, просила помочь найти выход, хоть как-то освободить душу от боли.

Не знаю, совпадение это или ещё что, но вечером мне позвонил из Новосибирска филателист, знавший Вилия Григорьевича долгие годы, и предложил свою помощь. Узнав через филателистов, что его не стало и что я нуждаюсь, купил коллекцию, конечно же, не за реальную цену, но мы всё оплатили. До сих пор я просыпаюсь с мыслью, что же я отвечу ему, почему не сберегла всё это для внуков. А сама всё время думаю, кто же послал мне этого человека?..

А как объяснить вот это?

Когда не стало Вилия Григорьевича, первые полгода я жила тем, что каждый день ходила к нему на могилу, а дома перечитывала его письма, благо их сотни. Он всегда писал, причём каждый день, когда уезжал из дома! Это чудные письма юности, зрелости...

И вот в свой день рождения, первый без него, беру верхнее в стопке письмо, читаю: «Розик, сегодня у тебя день рождения. Очень жаль, что я не с тобой, но я думаю о тебе, представляю и гадаю, кто пришёл в гости...» И первый раз от души наревелась.

После этого месяца два я не могла читать его письма. А потом всё же снова стала читать.

Это было 31 декабря 1997 г. Утром сходила на могилку, нарядила ему там ёлочку, а вечером в Новый год (это день нашей свадьбы, наш вечер, я до сих пор встречаю его только с ним) открываю первое попавшееся письмо, читаю:

«В Юрмале отличная погода, устроился хорошо, но мне грустно. Это уже четвёртый Новый год я встречаю без тебя...»

С тех пор я не читаю его писем.

Можно ещё много такого рассказать, когда я ощущаю его присутствие и помощь, и как хотите назовите, а я это чувствую.

Каким он был?

Он умел быть счастливым, несмотря ни на что, не «видел мелкого в зеркальном отражении...»

Он был особенный человек. Чем больше проходит времени, тем острее понимаешь — общаясь каждый день в семье, не придавалось этому значения, всё воспринималось, как само собой разумеющееся, просто хороший, добрый, умный и мудрый друг рядом с тобой. Сейчас, когда вспоминаешь отдельные моменты из жизни и ощущаешь, какая ты малая, серая песчинка в своём одиночестве (хотя семья у меня большая — 16 человек, уже три внука появились без него), как не хватает его, как пусто в жизни (не только в доме) без него. Я не могу дать ответ на вопросы внуков и на все свои действия. Я жду, вот придёт из командировки (как это было всегда) и всё расставит на свои места.

Он был с чистой христианской душой, всегда мог понять и простить. К нему многие шли (я это видела) и с радостью и с горем. Он трепетно относился к женщинам, в каждой видел, прежде всего, личность. И они-то ведь к нему шли как к подруге.

Был поразительно чуток к чужому горю, не уставая повторять слова своего любимого К. Симонова: «Чужого горя не бывает».

Был редкостно добрым, но и жестоким — не терпел цинизма и обмана, преданный в дружбе.

Это был человек с чётко выраженными принципами, не приспособившийся, говорил то, в чём был уверен и во что верил, отстаивал свои взгляды, умел в этом убеждать людей, словом, обладал стальной нравственной несгибаемостью.

Работал с увлечением и душевной болью, проживал сам то, о чём писал. Поражала его феноменальная память и энциклопедические знания в любой отрасли.

Жизнь в Германии (с мая 1945 по 1952 г.) щедро обогатила его познанием и людей, и исторических процессов. Именно там, в первые дни после победы в ВОВ обозначилось начало той оси, которая пролегла через всю его жизнь. Он навсегда остался верен этому страшному источнику вдохновения — войне.

Тема войны манила его, он горд был своей профессией военного.

Вот и последняя его книга, которую он диктовал мне до последних часов своей жизни, о войнах Кузбасса.

Жил по правилу, которое никогда не нарушал: верность своим принципам, уважение к себе, а равно и к окружающим, не пытался изменить окружающих, а пересматривал свои поступки.

Главным в последние годы его жизни был девиз «Примирение и согласие в обществе, в Кузбассе в частности». Он понимал, работая в Общественной палате при областной администрации, что до согласия в данный момент далеко, но примирение — это процесс долгий и кропотливый.

Считал, что писателем стал «из-за большой любви — неожиданной, всепоглощающей» — это чувство он пронёс через всю жизнь, сорок четыре с половиной года. Последними словами его были: «Розочка, я тебя очень люблю», поцеловал руку и затих навсегда.

121

Любил всей душой, как юноша, каждый день не уставал повторять: «Розик, я тебя безумно люблю». А в последние годы к этой любви добавилась такая светлая нежность, необъяснимая словами благодарности. Это могут чувствовать только любящие люди.

В разные годы нашей жизни он по-разному называл меня: Розочка, Розик, Roschen, Розонька, Ро... и каждый раз с новым смыслом.

Когда мы отмечали наше сорокалетие, он сказал мне: «Знаешь, не могу лечь спать или встать утром, не сказав то, что думаю уже 40 лет, — ты моё единственное сокровище, мучительна мысль, что я могу потерять тебя, молю Бога — спаси и сохрани мою жену, мою Roschen, мою милую Ро. Господи, как же я тебя люблю». Эти слова я чувствую и слышу его голос до сих пор.

Безумно любил своих детей, а потом и внуков. Гордился ими и всегда говорил мне: «Счастье — это ты и я, и наши сыновья, и в этом весь наш капитал. Не жалею, что нет у нас сбережений, зато каких орлов вырастили, многому научили».

Был весёлым человеком, неисправимым оптимистом, красиво пел, рисовал, мастерил.

Чувствовал ли он приближение своего рокового конца? Нет.

Очень много работал, верил, что всё напишет, что запланировал, а работы было много, говорил, что за пять лет справится.

И только за неделю до смерти, по-моему, понял, что это конец и делал вид, что всё нормально, а я делала вид, что верю ему и уходила рыдать на лестничную площадку.

9 мая 1997 г. губернатор вручил Вилю Григорьевичу очередную, последнюю награду — медаль орде-

на «За заслуги перед Отечеством II степени» — за заслуги перед государством, большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами, многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства.

25 мая 1997 г. ему исполнилось 72 года. Было много звонков, пришли дети, внуки, друзья. Ему трудно было уже общаться со всеми за столом, извинился, пошёл лёг, а меня попросил занять гостей.

Очень был рад, что пришли юные друзья, — поэты из молодёжной студии, не помню их имен, человек 10. Он с удовольствием занимался с молодыми, не зря в старые времена ЦК ВЛКСМ регулярно приглашали его в Москву в ЦКШ читать курс «Ораторского искусства».

А 3 июня 1997 г. его не стало.

Жизнь продолжается. 8 лет как нет его. И в то же время есть — не проходит дня, чтобы в семье не вспомнили его по разным случаям, а больше от тоски, что нет нашего доброго, умного друга, мужа, отца, дедушки, а правнук, приходя в гости, здоровается с ним, вернее — с портретом на мраморной доске.

*Роза Петровна РУДИНА,
вдова В. Г. Рудина,
июнь 2005 г.*

КАК Я БЫЛА МИЛЛИОНЕРОМ

Как становятся миллионерами? По собственному опыту знаю: их назначают. Лично меня в этот класс определил Виль Григорьевич Рудин. Сам-то он миллионером так и не стал — как я теперь понимаю, ему просто было некогда. Мне вообще ни до, ни после не довелось встретить кого-нибудь, более занятого и более организованного, чем он. Это воистину был человек-часы, или, скорее даже, — человек-секундомер. С ним не просто было договориться о небольшой встрече. В его записной книжке всё было плотно расписано на много дней вперед.

— Нет, — вздыхал он в телефонную трубку, — на этой неделе — ну никак! Давай на следующей... скажем, во вторник. В 15.00 у меня лекция. Выйду пораньше. Встречаемся на крыльце почтамта (мне по пути, и тебе близко) в... так — в 17.27. У нас будет 13 минут, вполне достаточно, все успеем обсудить.

«Обсудить» нам с ним предстояло всего-навсего

какую-нибудь очередную страну: что в ней самого интересного, кому и как об этом лучше рассказать, какие для того иллюстрации привлечь, организовать выставки, продемонстрировать фильмы, задействовать самодеятельность и много еще чего. Тогда только только распахнулись двери в мир, был настоящий бум зарубежного туризма. Кемеровские любители заграничных путешествий организовали свой клуб. Возглавлял его много лет Рудин, я же состояла в его рядах. Основная наша работа была — телевизионные передачи и вечера, посвященные той или иной стране мира. Главным идейным вдохновителем, практическим организатором и ведущим и там, и там был Виль Григорьевич. Нет, ему-то самому путешествовать по миру довелось, к сожалению, немного — возможностей к тому не было. Однако в разговоре о любой стране он мог заткнуть за пояс любого, изъездившего планету вдоль и поперёк. И дело вовсе не в том, что был он блестящим лектором-международником. Его интересы простирались значительно шире политики и дипломатии. Знания Вили Григорьевича были поистине энциклопедическими. Казалось, никакой вопрос не мог поставить его в тупик. Он знал всё: когда построен собор Петра и Павла, сколько каменных блоков в пирамиде Хеопса, какой длины Великая китайская стена, какой высоты Эйфелева башня, какие картины написал Матисс или Дюрер?

Какой же опорой для нас, каким прочным фундаментом оказались эти уникальные многогранные рудинские знания в работе над «Ковчежами» — серией хрестоматий для самых маленьких, начинающих читателей! Как, впрочем, и его организованность, и строжайшая дисциплина. В работе он был неустанным, неиссякаемым. Того же требовал и от нас, своих сотоварищей. По возрасту Виль Григорьевич был значительно старше всех нас. Однако паспортные данные и неугомонная юношеская энергия никогда у него не совпадали. Мы все спешили за ним и не всегда поспевали.

В работе за писательским столом Рудин был так же предельно организован, держал себя в строжайшей узде. Однажды мы с ним одновременно оказались в Пицунде, в Доме творчества писателей. Разные корпуса, только столовая да пляж общие. Там и встречались. Что еще нужно сибиряку, дорвавшемуся до южного солнца и теплого моря? Попробуй-ка вырви меня оттуда!

— Ты чего это, Виль Григорьевич, — кричу, барахтаюсь в волнах, — ты чего это уходить засобирался? Все равно же обед скоро!

— Нет, — смотрит он на часы, — до обеда — целых полчаса. Так что 25 минут еще вполне можно за столом поработать.